

Черкасова Ю. В.

СТРУКТУРА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Черкасова Ю. В.

Y.V. Cherkasova

**СТРУКТУРА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

**THE STRUCTURE OF ARCHITECTURAL SPACE
IN A HISTORICAL CULTURAL CONTEXTS**

Черкасова Юлия Владимировна – соискатель кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: cherkasova123@yandex.ru.

Ms.Yulia V. Cherkasova – PhD applicant, the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: cherkasova123@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматривается формирование архитектурного пространства как искусственной среды обитания человека. Выявлено, что в своей основе оно имеет несколько стандартных схем пространственных решений, обусловленных моделями пространственной ориентации, естественно выработанными в человеческом сознании. Отмечено наличие «идеалов» и «образцов» как главной особенности существования архитектуры как культурного явления. Показано, что по мере развития общества архитектурное пространство непрерывно преобразуется, но продолжает существовать на основе скрытых пространственных структур.

Summary: The article considers the formation of architectural space as artificial human environment, and reveals that this structure includes several standard spatial concepts/specimen determined by spatial orientation models naturally elaborated in human consciousness. The paper notes the existence of «ideals» and «specimen» as a principal feature of architecture as a cultural phenomenon, and shows that in the process of social development the architectural space constantly transforms itself, but continues to be based upon the latent spatial structures.

Ключевые слова: архитектурное пространство, искусственная среда, пространственная ориентация человека, структура, архитектоника, идеал, образец, улица.

Keywords: architectural space, artificial environment, human spatial orientation, structure, architectonics, ideal, specimen, street.

УДК 007

Архитектура охватывает область культуры, связанную с формированием искусственной среды. Можно метафорически сказать, что человек стал архитектором, построив свое первое жилище. От строительства отдельных сооружений – пещеры, избы, каменной крепости – он перешел к созданию поселений, а затем и городов. Архитектура появляется на границе внешнего и внутреннего миров. Сначала это была граница между внутренним пространством дома и внешним, враждебным человеку пространством природы. Позднее ситуация усложнилась: скопления домов, комплексы сооружений стали формировать под открытым небом рационально организованную среду архитектурного ансамбля или целого города. Особенность изучения архитектурного пространства заключается в двойственной природе его существования как механизма заполнения утилитарного пространства и как символической системы, обусловленной культурой.

Архитектурная среда формируется под влиянием, с одной стороны, геометрических свойств архитектурных объектов, приобретенных под действием общих естественных зако-

нов существования материального мира в реальном пространстве, и, с другой стороны – схем их пространственной организации, обусловленных антропометрическими факторами социального существования людей. Исследователи истории архитектуры отмечают, что на протяжении всех прошедших эпох, начиная с доисторической, архитектурная среда разных эпох стилистически существенно отличается, но в своей основе имеет лишь несколько стандартных схем пространственных решений, связанных с организацией территории обитания людей: огороженность, геометрическое построение, повторяемость в форме жилищ и выделение в основном архитектурном пространстве общественных центров. Так, академики В.П. Толстой и Д.О. Швидковский пишут: «Первобытные люди в монументальных произведениях творили на земле мир в меру своего воображения, суеверий и знаний о нем. Естественно, что они использовали для этого все возможности своей цельной единой культуры. В неподвластной им природной среде вычленились отдельные фрагменты, подчиненные жизни духа и как бы упорядочивающие первозданный хаос» [9, 8].

Ориентация человека в пространстве, понимание ее назначения и составляющих элементов, а также умение пользоваться ими репрезентирует своеобразный алгоритм мышления, имеющий подсознательную психологическую основу. Понятия, управляющие мышлением человека, упорядочивают воспринимаемую им реальность, способы поведения в мире и контакты с людьми. По мнению основателя структурной антропологии К. Леви-Стросса, бинарные оппозиции, схемы преобразования и замещения одних оппозиций другими, которые обуславливает скрытая универсальная логика, определяют основные культурные формы «древних культур» [7]. Большинство подобных понятий связано с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный». Подобные ориентационные противопоставления проистекают из того, что тело человека обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем физическом мире [5, 395]. Таким образом, модели пространственной ориентации, естественно выработанные в человеческом сознании, определяют структурную основу организации искусственно создаваемых им пространственных образований. Так, доктор архитектуры А.В. Иконников считает, что «определенное силой гравитации и пропущенное через призму сознания, простейшее объективно заданное качественное разделение пространства в восприятии – противоположность верха и низа, стало основой символических значений – верх стал универсальным знаком силы и власти. Сочетание вертикальной оси и горизонтальной плоскости образует первичную схему пространства, в котором обитает человек» [3, 88-89]. В частности, как отдельные постройки, так и ансамбли древнерусских городов в целом содержали в себе вполне определенную последовательно выраженную устремленность в вертикальном направлении [1, 175-196].

В самой форме архитектурных объектов заложены некие естественно сложившиеся архетипы, характеризующие независимо от культурной и исторической принадлежности факты проявления инвариантности в пространственном поведении людей и их деятельности по обустройству своего окружения. Например, пересечение двух направлений – север-юг и восток-запад – определяло главные оси, основу пространственной структуры городов во многих культурах, генетически не связанных и не оказывающих влияния одна на другую. А.В. Иконников отмечает, что «крест осей – кардо и декуманус – определял основу планировки городов Римской империи, те же оси лежали в основе планов городских центров древней Мексики, Китая и племен, населявших некогда долину Инда. А в Древнем Египте эта основа переносилась на самое понятие города – иероглиф, которым оно означалось, имел вид креста, вписанного в круг» [3, 90-91]. Очевидно сходство в планировочной организации древних городов, которые строились в разные исторические эпохи, на разных континентах, в условиях разных культур. Их архитектурные пространства имеют сходный масштаб членения строений, ортогональность планировки, улицы и кварталы, укрепленный периметр.

С детства человек свободно ориентируется в пространственном окружении, поэтому в процессе формирования жилой среды он привносит порядок в окружающий его мир: строит дома, прокладывает дороги, сажает деревья, то есть создает то, что принято называть архитектурой в общем ее понимании. Порядок предусматривает наличие неких устойчивых приемов создания форм. Благодаря упорядоченности и повторяемости одних и тех же элементов и их комбинаций архитектурный объект предстает как нечто, наделенное смыслом. Широко известны примеры строительства традиционных форм жилищ, из века в век воспроизводимые людьми практически без каких-либо существенных изменений: юрта, индейский вигвам, русская изба и др. С приобретением некой формы данные объекты уже не менялись и в дальнейшем воспроизводились по некому заданному культурному коду.

При этом история развития архитектуры указывает на естественное стремление к неким идеалам, образцам совершенства. Идеальная организация искусственной среды на протяжении многих веков ассоциировалась с неизменными, вечными формами. Архитектура трактовалась как пространственное воплощение фиксированной совокупности требований и параметров – исходя из этого осуществлялся поиск идеальных схем. В разные времена такими идеалами, отражающими определенные архитектурные идеи, становились устойчивые формы жилищ, храмы, дворцы, религиозные и административные комплексы и целые города. Речь идет о некой идеализации определенных характеристик строения архитектурной формы в рамках сложившейся архитектурной системы, направленности на определение некой нормы, характеризующей совокупность общеупотребимых архитектурных средств формообразования и правил их отбора и использования, признаваемых обществом как наиболее пригодные в конкретный исторический период. Так, для всей традиционной культуры Востока в целом роль священного канона, отражающего космогонические представления, была велика и неизменна на протяжении многих столетий. В.П. Толстой и Д.О. Швидковский отмечают, что «художественное единство средневекового Пекина, красота его ансамблей раскрывается не столько в отдельных формах, сколько в их расположении, в аранжировке всей пространственно-предметной среды. Стремление к традиционной повторяемости одной и той же художественной идеи при необычайном разнообразии сочетаний типологически близких форм свойственно всему классическому китайскому зодчеству» [9, 9].

Представления древних греков о гармонии мироздания выражал ордер: «симметрия (в философском значении этого слова), магические противопоставления верха-низа, права-лева, космогонически осмысленные числовые соотношения пропорциональных рядов, символика архитектурных деталей, обусловленная архаическими культами (особенно в ионическом ордере), – все это превращало ордерную систему в своеобразную натурфилософию, передаваемую в понятных древнему эллину художественных формах» [9, 8]. Системы средств выразительности архитектуры античной Греции, Рима, Ренессанса, барокко, классицизма и различных версий неоклассицизма основаны на классических архитектурных ордерах, где нормы, определяющие организацию структуры целого и его элементов, наиболее систематизированы и устойчивы. Доктор архитектуры А.Э. Гутнов полагает, что «формы античного ордера обнаруживают свою универсальность по отношению к материалу – в конечном счете, они воспроизводят работу стоечно-балочной конструкции как каменной, так и деревянной. При этом разные сооружения, использующие одни и те же структурные элементы, получают разную эмоционально-художественную окраску – торжественность и интимность, величие и изящество. Так появляется символика форм, которые со временем все больше абстрагируются от вызвавшего их к жизни конкретного строительного содержания. Они приобретают самоценность универсального языка архитектуры» [5, 100].

Существование таких «идеалов» и «образцов» является главной особенностью развития архитектуры с момента осознанного формирования человеком своего окружения. Эта черта в значительной мере определяет механизмы «рождения» архитектуры и поддерживает ее существование как культурного явления. Другими словами, одним из главных признаков сформировавшейся архитектурной системы является упорядоченность ее элементов, обу-

словленная неким набором правил, т.е. наличие норм, признаваемых большинством. Под нормой понимается образец того, как принято строить и проектировать в данном обществе, в данную эпоху, а иногда – в данном месте. При этом, как замечает Н.А. Ястребова, «архитектура как вид искусства формирует общие эмоциональные контуры взаимоотношений человека с окружающим миром. Степень воздействия архитектуры, ее сила и ограниченность связаны с реальными материально-техническими условиями строительного дела. Законы материальных и пространственных гравитаций накладывают свои ограничения на архитектурную образность. Они диктуют эстетические константы, без которых архитектура существовать не может» [10, 229]. Длительная эволюция архитектурных конструкций, появление новых строительных материалов – металла, стекла, железобетона – сильно изменили внешний облик современной архитектуры по сравнению с классическими образцами. Но принципиальная основа универсального языка архитектуры не изменилась. Этот факт отмечает А.Э. Гутнов: «в "нетектонических" приемах новой архитектуры очень много нарочитых противопоставлений традиционной каменной тектонике. Всякое новое явление привлекает к себе внимание при помощи парадоксов. Но ведь эти парадоксы новой архитектуры в конечном счете апеллируют все к тем же, лежащим в глубинах человеческой психики, механизмам пространственного восприятия, к категориям тяжелого и легкого, высокого и низкого, плотного и прозрачного и т.п.» [2, 130].

В целом архитектурное пространство определяется как совокупность фактов искусственного средового окружения человека. Следует отметить, что его формирование связано с процессами, позволяющими человеку не только ориентироваться в пространстве, но и осуществлять пространственные взаимоотношения между людьми: скрываться от кого-то или стремиться встретиться, уединиться или собираться вместе. Для этого человеком создаются искусственные пространственные системы, исполняющие роль своеобразных регулирующих механизмов, благодаря которым отдельные сооружения и комплексы связываются в осмысленную цепь архитектурно-пространственных событий. Как известно, профессор и консультант в области городского планирования К. Линч, разработавший теорию городской формы – как воспринимают городскую среду жители и каковы последствия этого для проектирования городов, – выявил основные составляющие структуры образа современного города. Это пять типов физических форм: пути, по которым может передвигаться наблюдатель; границы – линейные элементы, разделяющие части города, но непригодные для движения (берег водоема, стена или насыпь); районы – части города, где наблюдатель может почувствовать себя «внутри»; узлы, «стратегические» пункты города, куда наблюдатель может войти, места, куда или откуда он движется (пересечения транспортных или пешеходных дорог, площади, центры районов); ориентиры – физические объекты, всегда остающиеся внешними для наблюдателя (монумент или гора) [8, 50-80]. При этом полагает А.В. Иконников, что «среди элементов, выделенных К. Линчем, наиболее активную роль в образовании пространственных представлений современных горожан, несомненно, играют пути – улицы» [3, 93].

Несмотря на то, что главенствующая роль улиц в формировании структурной основы пространства города в современной культуре не является абсолютным правилом для всех эпох, очевидно, что улица – неотъемлемая часть архитектурного пространства, создаваемого человеком. Так, например, в древнейших греческих городах улицы связывались в трудно постигаемый лабиринт; улицы и постройки городской структуры Римской империи сохраняли независимость друг от друга, а улица сама становилась крупномасштабным сооружением, достигавшим огромной протяженности; базары средневековых городов Востока были зданиями и улицами одновременно [3; 9].

Внутренняя планировка древнерусских городов во многом зависела от характера местности, на которой они располагались. Особенностью крупных древнерусских городов было их расположение на двух берегах реки. Древняя городская застройка распространялась как вдоль берегов реки, так и в стороны от них. Плановая схема строилась на сочетании продольных и поперечных улиц. Сходные принципы лежат в основе размещения улиц в Киеве, Новгороде,

Смоленске и Владимире. Иной была планировка улиц в малых древнерусских городах. Связующим звеном здесь служила улица, идущая по внутреннему периметру оборонительных сооружений. Поскольку в этих городах, как правило, имелись лишь одни ворота, от них отходили одна-две улицы, пересекавшие город по диаметру. Таким способом все дворы в городе получали свободный выход на улицу. Подобную планировку имели Минск, Торопец, Ярополк Залесский и городище Слободка. Хуже известна система улиц малых городов, расположенных на мысах при слиянии двух рек. Но именно среди них оказались будущие крупные центры позднего средневековья с радиально-кольцевой планировкой. Естественной точкой роста таких городов был детинец – кремль, зажатый в треугольнике между двумя водными преградами. В детинце или сразу под его стенами, практически на одной довольно ограниченной площади, размещались и княжеский двор, и кафедральный собор, и торг. Кремль становился единственным средоточием важнейших функций города. Рост городской территории был возможен лишь в противоположном от стрелки мыса направлении. Новые укрепления полукругами своих валов отрезали от него новые участки. Связь с центром осуществлялась по лучам – улицам, веером расходящимся из кремля. Старые стены ветшали и разбирались, а на их месте образовывались свободные от застройки проезды. Так складывалась радиально-кольцевая планировка городов, подобных Москве и Пскову [5, 39-104].

Архитектура как искусственная пространственная система с развитием цивилизации осваивает все большие территории, в результате научно-технического прогресса усложняются и формы ее существования. Являясь элементом культуры, архитектура становится средством социального управления, политического и экономического воздействия на человека. Однако все эти свойства архитектуры продолжают существовать на основе скрытых пространственных структур, определяющих ее архитектуру. По мере развития общества архитектурное пространство непрерывно преобразуется, но его структура не изменяется полностью, предыдущие состояния пространства лишь отесняются, превращаясь в своеобразную подоснову, «субстракцию из культурных слоев, сохраняющих свое значение в образовании актуальных ценностей предметно пространственной среды» [3, 109].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, И.А. Средневековая Русь. Художественное единство Древнерусского города / И. А. Бондаренко // Художественные модели мироздания. Кн. 1 / под ред. В.П. Толстого. – М.: НИИ РАХ, 1997. – 400 с.
2. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры: язык архитектуры / А.Э. Гутнов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 352 с.
3. Иконников, А.В. Искусство, среда, время / А.В. Иконников. – М.: Советский художник, 1984. – 336 с.
4. Иконников, А.В. Функция, форма, образ в архитектуре / А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1986. – 288 с.
5. Куза, А.В. Древнерусские поселения / А.В. Куза // Древняя Русь. Город, замок, село; под ред. Б.А. Колчина. – М.: Наука, 1985. – 432 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. Н.В. Перцова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387-415.
7. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
8. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников / под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
9. Толстой, В.П. Синтез пространственных искусств как образ мироздания / В.П. Толстой, Д.О. Швидковский // Художественные модели мироздания. Кн. 1 / под ред. В. П. Толстого. – М.: НИИ РАХ, 1997. – 400 с.
10. Ястребова, Н.А. Пространственно-тектонические основы архитектурной образности / Н.А. Ястребова // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Ленинград: Наука, 1974. – 300 с.